

МЕСТЬ

1

Подобно тому древнему греку-честолюбцу, что сжег храм, чтобы его имя осталось в веках, славолюбец Джон Шарке своей неумной жестокостью хотел вознести свое имя над всей Америкой! В то время как американцы, всем сердцем припадая к его жертвам, делали все, чтобы вознести Шарке не более чем на два фута...

Но все оставалось по-прежнему. Еще хорошо, если купеческое судно оказывалось поблизости от береговой артиллерии: едва завидев, как из лиловой морской глади поднимается грот-брамсель с нашитым на нем черным ромбом, влетало оно в гавань с парусами, выгнутыми, как дамский корсаж.

Мастерству капитана Шарке удивлялись все моряки — и купеческие, и военные, и его же пираты... Вот видят же они на своем барке: преследующий их корабль и ветра забирает больше, и матросы там не уступят им в шнорвке... Но если они, все три мачтовые команды, тотчас выполняют его команды — их барк уходит от корабля!¹

И стоит ли говорить, в какое горе ввергал Шарке семьи тех моряков, кто работал-плавал на захватываемых им судах! Их вдовы, наверное, стонали так громко еще потому, что крик хотя бы как-то исторгает из души человека это разрушающее его чувство: ведь теряли они не просто родных, а кормильцев, и надо было им, матерям, сохранить себя для семьи.

В то время как в жизни Копли Бэнкса, одного из самых богатых жителей Кингстона, до поры до времени не было никаких потрясений — моряком был он лишь в юности, а потом, в течение семнадцати лет, стал владельцем десятка судов. Его, мистера Копли Бэнкса, знали как человека деятельного: он был членом городского совета, а женат на особе из знаменитого рода Персивалей. И, кстати сказать, доводился двоюродным братом губернатору Виргинии.

Обоих своих сыновей, еще мальчиками, мистер Бэнкс устроил в один из лучших колледжей Лондона. И уже они проучились там несколько лет, когда он, читая их письма, встревожился: что-то, кажется, не очень они там, в старой Англии, тосковали о новой, о своей американской родине. А уже случалось, что отпрыски новоамериканцев, достигнув совершеннолетия за время учения в Англии, оставались жить на родине

---

¹ Собственно кораблями назывались военные полнопарусные суда.

предков: неустройства жизни в колонии оказывались уже не для них.

Сыновей на их родину Бэнкс решил вернуть.

Но как раз в это время начинал он большое дело (судовладелец, а заинтересовался совершенно новым для себя видом хозяйственной деятельности), так что за сыновьями отправилась в Англию супруга Бэнкса. И уже они, все вместе, возвращались...

О своих подвигах славолобец Шарке сообщал в тех случаях, когда захватываемые им суда были всем известными, а на этот раз это был галеон «Герцогиня Корнуальская»! И с этим сообщением «сухопутным крысам» был им отпущен матрос с этого судна.

...Услышав, мистер Бэнкс не то что вскрикнул — хотя это чудовище, Шарке, утопил и жену, и детей, — нет! Он, Копли Бэнкс, не проронил ни слова, будто окаменел. И только... Только бешеные вспыхнули в его глазах огни!

И что же?..

Время шло, и если текущие дела фирмы управляющий вел без хозяина, то ведь в Кингстоне все знали, что мистер Бэнкс уже было начал переговоры о покупке двух плантаций сахарного тростника. И, значит, пора бы ему выходить из его меланхолии.

Но с ним, мистером Бэнксом, происходило что-то странное. Из кассы, обрекая свою фирму на трудности в обороте средств, начал он забирать такие суммы, какие многократно превышали потребности его опустевшего дома. То есть пушки (восемь крупнокалиберных орудий) были им заказаны уже на втором году его печали (стоит ли говорить, как удивила всех в Кингстоне такая его покупка — вместо плантаций)! Впрочем, транжирить деньги мистер Бэнкс начал еще задолго до этого, в портовом кабаке.

Да нет, не запил. За стаканом рома (за лучшим его сортом хозяин кабака посылал в городской трактир) просиживал он здесь целые дни, а недопитое (слишком дорог был тринидадский сорт этого напитка, чтобы его выплескивать) переливал в стакан того, кого пригласил за свой столик. Такой его доверенностью стал пользоваться тот, кто предложил ему за стакан рома или джина, все равно, согнуть и тут же выпрямить каминную кочергу. То есть это предложение разъяснил ему другой завсегдакай кабака — ибо тот, кто таким способом добывал себе выпивку, был нем. Не совсем... Что-то еще кулдыкал он остатком языка, и со временем Бэнкс начал его как-то понимать.

То есть мистер Бэнкс и этот немой силач — будто, сказать, воткнулись друг в друга, — видимо, сошлись на чем-то одном и теперь обычно сидели глаза в глаза. Да, надо пояснить, что хозяин этого заведения для простого народа так был польщен визитами мистера Бэнкса (он

его даже называл сэром), что закрепил за ним столик возле камина и сам, по его знаку, подходил, чтобы подлить дорогого напитка в стакан его собеседника (всю бутылку Бэнкс попросил на стол не ставить, иначе бы уже слишком скоро не с кем ему было общаться). Однако тот, этот немой силач, становился уже не заурядным прихлебателем (каким до этого присаживался к чужим столам): в его, хозяина кабака, понимании, возвысился теперь до должности секретаря сэра: для него приносил лист бумаги и чернильницу с гусиным пером. Оказалось, немой умел, и довольно сносно, писать. И писал, когда ничего в его кулдыканье уже невозможно было понять.

Мистер Бэнкс слушал его или читал им написанное (иногда ему тот даже что-то чертил), при этом обычно спокойно себе посасывал трубку (табак гамбургской выделки доставляли ему со Старого Света); как вдруг вспыхивали в его глазах такие же дикие огоньки, как и тогда, когда он услышал о катастрофе всей своей жизни.

Меж тем посетители кабака, простолюдины (мистерами называли они друг друга лишь до второго, редко до третьего стакана), иногда таки возвышали себя до решимости подойти к столь важной особе, и мистер Бэнкс навстречу их стаканам поднимал свой и даже отпивал из него в знак всеобщего равенства и братства.

Но когда еще подходили к его столику те двое, что называли друг друга мистерами, тотчас кабатчик приказывал служкам принести два стула и два стакана и сам спешил (как и приказывал сэр) с бутылкой лучшего (тринидадского!) рома. Это были ожидающие найма на суда штурманы Берзмарк Свитлокс и Джон Брэдли. Они были неразлучны, а познакомились во время прогулок в тюремном дворе, отбывая свои сроки после раскаяния в разбое. Да, Свитлокса тогда не помиловали, хотя именно он подвел свое пиратское судно под выстрелы с корабля: не поверили, что он, будучи под началом Длинной Бороды (тоже известного своей жестокостью капитана-пирата), сам никого не убивал. Нечто похожее было в жизни его теперешнего друга Джона Брэдли, и теперь оба они раскаивались в том, что рассказали тогда... Потому судовладельцы и капитаны брали их на суда лишь рядовыми матросами, что оскорбляло тех, кто, говорят, были замечательными мастерами именно вожделения судов.

И если учесть, что в числе посетителей кабаков Порт-Ройала и Кингстона пребывало немало таких же неудачников (ввиду их сомнительного прошлого не нанимали их на суда и матросами), то как раз штурманы Свитлокс и Брэдли, озлобленные отношением к себе капитанов и судовладельцев, оказывались негласными представителями этой таки порядочной части ожидающих найма моряков.

При этом мистер Бэнкс, при его высоком в глазах портового люда положении в обществе (уже все здесь называли его сэром!), столь был доступен в общении с простым народом, что все больше завоевывал его расположение, особенно же тех матросов, которые общались со штурманами Свитлоксом и Брэдли: те дали им знать о решимости мистера Бэнкса пересмотреть, то есть заменить состав команд принадлежащих ему судов. И, надо сказать, что о характере этой замены упомянутая часть матросов начала отзываться с весьма странными ухмылками...

2

Но если в представлении хозяина кабака посещения его заведения мистером (сэром!) Бэнксом поднимали его портовое заведение до ранга городского трактира, то в глазах тех, кто считался сливками местного общества, член городского совета мистер Бэнкс терял свое прежнее высокое положение... То есть сначала ему только удивлялись: «Уважаемому члену общества — посещать портовый притон?», «С лицом порядочного человека — сидеть среди рвани?»

А уж когда Бэнкс, невзирая на возражения управляющего фирмой, всю команду брига «Забияка Гарви» заменил своими портовыми знакомыми, а затем их силами водрузил на судно пушки!..

Начальник гарнизона майор Гарвей поспешил к губернатору:

— Сэр! Если предположить, что свое судно мистер Бэнкс готовит к погоне за Шарке... Однако... Понимает же он сам, Бэнкс, что со своими восемью пушками отомстить двадцатипушечному Шарке не сможет. Так, спрашивается, для каких боев снаряжает мистер Бэнкс этот свой бриг? То есть чью кровь собирает он проливать?

— Кровь и Бэнкс? — усмехнулся губернатор. — Он даже против петушиной крови! Осуждает, видите ли, сражения петухов.

На самом деле сэр Эдвард к тому, кого теперь осуждал начальник гарнизона, испытывал приязнь. Не очень, правда, ему нравилось, что мистера Бэнкса тоже иногда называют сэром. Хотя он даже не баронет! Но фирма Бэнкса выполняла заказы на перевозки в Европу, и всегда на его судах вместе с грузами доставлялись вина из тамошних виноградарских стран. Так что когда приходила новая партия, особенно любимый сэром Эдвардом портвейн из Португалии, всегда Бэнкс приглашал к себе... Увы, все это уже в прошлом. Теперь Бэнкс пьет с народом второго сорта — и, видимо, один лишь ром.

— Так что же вы предлагаете, майор?

— Сэр! Я считаю, что мистер Бэнкс должен быть арестован. А это его судно — секвестировано. И — немедленно! Как сообщил мне управляющий его фирмой, на судно уже доставлены солонина, ром, сухари и вода.

— Вот уже как! — вздохнул сэр Эдвард. — Что ж... Я, майор, должен с вами согласиться.

Но кто сообщил Бэнксу? Или он сам уже все понял?

Майор Гарвей прибыл с солдатами на пристань утром, а бриг Бэнкса уже выходил из гавани Порт-Рой-ала, паруса белели уже далеко. Догнать? Полнопарусного корабля в гавани не оказалось — а кто, какое судно могло догнать бриг «Забияка Гарви»?

От Ямайки бриг далеко не отплыл... С приспущенными парусами судно тихо двигалось в виду берега.

Но совсем не тихим оказался сбор на палубе команды.

Да уж, он, Копли Бэнкс, видимо, вспомнил свою морскую юность, если так смог заговорить с матросами на их языке:

— Ребята, чтоб мне захлебнуться соленой водой, если я не выбрал для вас профессию, где храбрый человек сможет жить вольно, одеваясь вместо просмоленных курток в бархатные кафтаны, питаюсь всем тем хорошим и выпивая все те лучшие вина, что специально для нас везут на своих корытах купцы. И если удастся не быть раньше вздернутыми на два фута, сможем мы где-нибудь на островах припрятать столько, сколько требуется для успокоенной жизни, например в Мексике или в Чили. Я на правах владельца этого самого быстроходного в Вест-Индии судна, на правах того, кто вас собрал, буду вашим капитаном. А уж если кому не нравится то замечательное будущее, которое я предлагаю, выходите вперед. На этот случай я взял на борт еще одну лодку, сможете отправиться на берег.

Оказалось, что из пустившихся в плавание сорока шести человек замечательное будущее, которое пообещал Бэнкс, не прозревали лишь четверо, они воспользовались этим объявленным им случаем и под свист и улюлюканье новоявленных пиратов спустились в спущенную на воду лодку.

Да, хотя теперь, для ясности изложения, всех на судне надо называть командой, на самом же деле это было товарищество. Многие знали друг друга давно и выбрали квартирмейстера и его помощника (таковыми стали Свитлокс и Брэдли, звание штурмана у пиратов почему-то было не в чести), а также боцмана, старшего канонира и старших обеих (по числу мачт) парусных команд. Им всем (разумеется, начиная с капитана) из всего захватываемого определили двойную выручку. И сразу же отвергли звание секретаря (слишком памятным это звание оказалось для тех, кого в свое время судебные секретари оформляли на тюремные сроки),

взамен признали за капитаном право иметь слугу (с условием, однако, участия этого немого силача в абордажах).

И уже скоро жертвами этого «товарищества» оказались многие из тех купеческих судов, каким посчастливилось не встретиться в море с «товариществом» Шарке.

Бриг Бэнкса стал таким неуловимым благодаря не только своей быстроходности, но и талантам (надо им отдать должное) штурманов Свитлокса и Брэдли, да и сам Бэнкс, вспомнив свою морскую юность, быстро осваивал морское дело. Например, не доверяя судно вахтам лишь одних матросов, установил обязательное присутствие на капитанском мостике кого-либо из них троих.

Долгое время Шарке и Бэнкс не встречались. Что было несколько странно: «Забияка Гарви» охотился в тех же местах, что и «Счастливое избавление».

Но пора было чиститься (кренговать), и бриг Бэнкса вошел в один из заливов Эспаньолы.

Оказалось (вроде Бэнкс не ожидал здесь его встретить), в самом конце залива, в узкой бухточке, сказать, в расщелине между крутыми берегами, кренговался барк Шарке.

Разумеется, подобно тому, как с присутствующим джентльменом первым здоровается входящий, Бэнкс приказал салютовать из пушек и выкинуть зеленый, означающий самые дружеские намерения, флаг. Как раз в это время барк Шарке забрал якорь и, поднятый приливом, освободил место бригу.

Стоит ли здесь рассуждать о джентльменской необходимости вошедшему нанести визит первым? Бэнкс, поручив кренгование квартирмейстеру, поплыл на ялике (всего лишь с двумя матросами) на барк Шарке.

3

Прием, оказанный здесь ему, мог бы обескуражить любого!

То есть хотя бы, увидев отплывающего от своего судна гостя (ведь знал же, какое высокое положение занимал тот в ямайском обществе), мог бы хозяин и одеться и вести себя поприличнее. На нем же была рубаха, небрежно заправленная в штаны, хлопчатая, серого цвета. И — не встал, сидел верхом на пушке, даже не подал гостю руки. Какое там! Заорал:

— А... Наслышан о тебе, сэр! Сейчас с тобой разберусь...

Стоящая рядом с ним матросня обещание это подержала согласным ором, но главарь повел на горлопавное бровью. Вспросил:

— Как ты смеешь ловить рыбу в моих водах? (Так он, Шарке, называл ловлю в море купеческих и пассажирских судов.) — Сейчас измочало тебя, Бэнкс, а то и прикончу совсем! — И уставил на гостя взгляд своих мутно-голубых глаз (сколько жертв корчилося под их взглядом!). — Отвечай, должен понимать, куда ты явился!

Но гость смотрел так, будто вернулся в родной дом. Впрочем, ответил с достоинством:

— Не думаю, что так уж нам с тобой тесно. Однако спор двух капитанов можно решить так. Взять пистолеты и сойти на берег. Здесь все-таки качает — и можно не попасть...

Услышав такое предложение, Гэллуэй схватился за нож (он предпочитал резать, а не колотить), но Шарке запрещающе мотнул головой, а в его ледяном взгляде затеплился интерес.

Бэнкс же пояснил:

— Кто бы там из нас ни свалился, а только еще от одного презренного негодяя мир избавится!

— Вот это — разговор! — Шарке соскочил с пушки и протянул гостю руку. — Не вспомню, кто так осмеливался — со мной... А смелые — не предадут. Бэнкс, предлагаю союз. Союз двух капитанов! Но если окажется не так, выпотрошу на твоём же бриге!

— Я обещаю сделать с тобой то же на твоём барке, — сказал Бэнкс.

И они, Джон и Копли, поклялись быть друзьями!

Они, действительно, ими стали. Купеческие суда подчас захватывали вместе и даже (об этом потом говорила вся Новая Англия) однажды не уступили сорокапушечному кораблю!

Убедился Шарке и в уме своего друга. То есть высказанным тем соображением сам он руководствовался уже давно. А именно: к убийствам, к разного рода жестокостям надо привлекать всех членов своей команды. И тогда, зная, что все равно вздернут их вместе с капитаном, они предать не захотят.

Разумеется, что все же «ловили рыбу» по отдельности. Хотя Шарке стал испытывать такое чувство (ранее ему не свойственное), как желание увидеть в море кого-то еще раз... То есть его, своего друга Копли Бэнкса!

В очередной раз они встретились возле Большого Кайкоса — острова, действительно порядочного по размерам, хотя и необитаемого до сих пор. То есть необитаемого людьми, а быки здесь водились, и Шарке прибыл сюда, чтобы хотя бы в охоте на быков разделить охватившую его злость на капитана купеческого судна. А еще бы! Неделю назад захватил он судно (барк «Ганноверский Дом»), оно шло из Ливерпуля с шерстяной материей. В каюте же капитана были обнаружены бутылки из-под рома, даже и подсчитали — двадцать

штук! Значит, весь путь от Ливерпуля (двадцать дней) барк вели одни лишь его помощники.

Шарке пришел в такое негодование (а ведь вина не удавалось добыть уже как недели три), что приказал привязать капитана к мачте и забить этими его пустыми бутылками. Не все при этой экзекуции разбились — и уже не было видно и мачт, а бутылки все еще наполнялись, кружились над шедшим ко дну судном.

Зато благодаря такому негодьяйству их капитана Шарке проявил необычное для него милосердие: прежде чем их судно было затоплено, моряки указали ему на лучшее из всей перевозимой ими материи сукно, помогли свертки перенести на его барк (всегда при abordажах пираты сплывают суда) и сели в свои шлюпки.

В то время как на захваченном Бэнксом галеоне¹ один из отсеков трюма оказался заполнен вином. То есть вино было в пятигаллоновых бочонках². Целый отсек!

В бухте барк Шарке и бриг Бэнкса встали не совсем рядом — набегали волны и водили суда даже на якорях. Так что друг к другу пришлось плавать на лодках.

Бочонок вина, забранного с галеона, Бэнкс послал Шарке — как знак внимания, не больше, уже он знал: как бы тот ни жаждал, вино отдаст своим людям. Ну да, да! «Подарков с чужого плеча» он, капитан Шарке, не принимает, все берет сам.

О том, что вино это уже выпили, понятно стало скоро. То есть такая малость на шестьдесят пилюнок! Тем более что это не ром и не джин, а всего-то лишь портейн... Дело же шло к вечеру, и воззвали со своего барка едва ли уже не гневно!

Пришлось отослать им десяток бочонков, целую шлюпку вина!

И с этой оказией Бэнкс послал Шарке приглашение. Пригласил — на замечательно гладкой бумаге (кипу которой не дождался его двоюродный брат, губернатор Виргинии). Хотя, опять же, знал о Шарке: со своего барка сходит он лишь для охоты на быков.

«Но, — подумал Бэнкс, — понимает же он, Шарке, что я сам... Столько уже я пролил людской крови, что если его у себя свяжу и доставлю властям, все равно нас с ним повесят обоих».

4

Да, капитан Шарке это понял. Тем более что ни якоря, ни парусов на бриге не поднимали.

К лучшему своему другу капитан Шарке прибыл в сопровождении квартирмейстера Гэллуэя и еще четверых из своей команды. Явился в лучших из своих одежд (стоит ли теперь вспоминать тех на пассажирском галеоне, кто два года назад, вместо того чтобы шеголять в этих одеждах в городах Новой Англии, пополнили тогда его гардероб). На нем была шелковая рубашка (совсем белая, явно не надетая еще никем), с багистовыми брыжами на груди и со сверкающими запонками на манжетах, поверх же было нечто фиолетовое, с золотистыми галунами на рукавах — то, что Шарке, скорее всего, принял за одеяние аристократа (камзол или что-то в этом роде), но что на самом деле было ливрей лакея; впрочем, «камзол» этот так оттопыривался справа (это были засунутые за пояс пистолеты) и так было жарко, что гость стянул «камзол» с себя и бросил человеку, подошедшему к нему услужить (он, Шарке, слышал, что если члену лучшего (высшего) общества потребуется какая-то житейская услуга, а имени слуги аристократ не знает, может он позвать его: «Человек!»).

И этот человек, слуга Бэнкса, своей молчаливой услужливостью было понравился Шарке (он не терпел тех, кто заговаривал с ним, болтал, не будучи с ним равным); правда, потом о голову этого человека он разбил стакан, но столь незначительный эпизод в жизни знаменитого капитана случится уже часа через полтора.

Сначала же, подтянув на себе пояс (толстокожий, с массивной медной пряжкой, сползший под тяжестью двух пистолетов), он прошелся по судну друга с понятной заинтересованностью в общем деле. Его озадачила пристройка, которую он увидел еще со своего судна. Пушки обычно на нижней палубе, а Бэнкс устроил что-то вроде артиллерийской рубки на верхней, на корме, нацеленное в амбразуру, стояло крупнокалиберное орудие! Вдоль стен громоздились ящики с железными ядрами, в больших бутылках чернел порох... Однако, ввиду предстоящей выпивки, свое мнение о таком нововведении Шарке решил высказать потом. Зато предложение хозяина не спускаться вниз, в душную каюту, а расположиться здесь, одобрил.

Матросы Бэнкса, покачиваясь (уже отнюдь сегодня не от морской качки), в столь боевую обстановку внесли мирную мебель — стол и четыре стула; потом вкатили одну из тех больших бочек, что столпились на палубе в ожидании воды, на нее поставили бочонок с вином, рядом — другой... Разумеется, что дорогие тарелки (фарфоровые, расписные!) слуга принес сам. И сам нарезал в них то, что могли бы съесть пассажиры галеона; принес

¹ Галеон — большое парусное судно, вместительное, как пассажирское, но небыстроходное по своей конструкции (XVI–XVII века).

² Галлон (англ. gallon) — около четырех литров жидкости.

стаканы (тонкостенные, из хрусталя, один из них потом и разобьет Шарке о голову слуги). Главное же, на стол была водружена высокая хрустальная ваза... Пассажиры везли ее в Новую Англию для тамошних цветов, а здесь она была удостоена для вина.

Вместе с капитанами сели за стол их квартирмейстеры. Но Свитлокс приобщился к вину (вместе со своим помощником Брэдли) как только отдали якорь, а потому сейчас не удержался на стуле уже после третьего стакана... Как там пил Брэдли, было неизвестно, он пил вместе с матросами.

Дорвался и Гэллуэй. Для него три недели без вина были сущей пыткой, так что недостаточную по сравнению с ромом крепость портвейна он возместил его количеством. Усидеть за столом смог он дольше и даже вовремя уразумел, что его капитан на какой-то стадии питья может вспомнить о своей любимой игре — скрестив под столом руки с пистолетами, стрелять, дабы убедиться, ноги каких сотрапезников самые счастливые! — и снял с его пояса пистолеты. На что Шарке, памятуя о его «осчастливленной» им ноге, возражать не стал.

Сначала, как водится в лучшем обществе, произносили тосты (в стаканы наливал слуга). Но уже скоро эта говорильня Шарке надоела, и, отмахнувшись от услуги, наливать себе стал сам, без предисловий.

Хотя поговорить им было о чем. И даже — о коммерции. У Бэнкса еще были отношения с некоторыми из тех, с кем он имел дело, будучи владельцем фирмы, они принимали «трофеи» пиратов втрое дешевле их настоящей стоимости, и Бэнкс пообещал Шарке помочь сбыть захваченное сукно.

Затем, разграничив в морях *ловлю*, разумеется, заговорили о вине. Ведь если ром и джин делали и в Новом Свете, то лучшие виды благородных напитков доставлялись из Европы. И Шарке даже ослабилась во весь рот (хотя смеялся он редко), когда выяснилось в разговоре, что те десять бутылок самого лучшего коньяка, которые везли Бэнксу из Франции, выпил он на пару со своим квартирмейстером. В самом деле... Захватывая купеческие и пассажирские суда, Шарке приобщился ко многим винам Европы. Так что их знатоками оказались они оба. О достоинствах же португальских Шарке заговорил так громко, что Гэллуэй уже было хотел вырвать из ножен свой нож-кинжал. Но оказалось, что его капитан так громко хулит немцев за то, что к «вину из порто» приплели они свое *vein* и что вино это ничуть не хуже вина с острова Мадейра... И ведь вот — еще ему, Гэллуэю, правда, уже часа через полтора, пришлось встревожиться за исход беседы капитанов опять... Это когда его капитан, разбив стакан о голову слуги, пушечным ядром вышиб

крышку следующего бочонка. Ну да, да, вино в вазу, боясь расплескать (все-таки волны покачивали), слуга наливал не доплна. И когда он опять, открыв кран бочонка, начал цедить в эту емкость, Шарке стало ждаться невмоготу — он и свершил означенные действия, после чего приказал слуге добывать вино сразу, то есть опускать вазу в бочонок, а вместо разбитого забрал стакан лежащего возле своего стула Свитлокса. И еще — выразил недовольство наступившими в помещении потемками. Так что его квартирмейстер, успокоенный такой, хотя бы и громкой, беседой знатоков вина, голову свою на столешнице успокоил уже надолго. Хотя и нельзя было о нем, о Шарке, сказать, что он пьян, никакая мера горячительного напитка не могла разогреть его кровь.

Слуга, потирая голову, принес канделябр, зажег все пять рожков, и капитаны продолжили беседу уже при свечах.

Меж тем, в отличие от матросов Бэнкса (эти, начав пить с утра — портвейна было много, и здесь тоже вместо рома брали количеством, — уже затихли в кубрике вместе со своими гостями), матросы на барке Шарке еще только пели...

5

И здесь надо сказать о той напраслине, какую подчас возводят на «рыцарей свободного моря» наши писатели. Будто и пели-то они все о том же — о том, как они грабят и убивают. Да нет же: свои, конечно же, преступные деяния желали они как-то и оправдать. И даже иногда представляли себя защитниками коренного населения Америки, индейцев. Вот и на барке Шарке пели:

Из Америки купец
плыл всего в один конец...
Караибов обобрал —
только в руки к нам попал.
У доверчивых людей
из ушей да из ноздрей
за игрушки-побрякушки
поснимал златые дужки...
Не обманывай, купец...
Ждет тебя у нас конец!

Гость эту песню, конечно, знал, но слушал с тем большим удовольствием, что сочинил ее сам.

Как вдруг Бэнкс остановил взгляд на слуге. Тот все стоял за спиной гостя, выражая готовность исполнить все его капризы. Но, поняв взгляд своего капитана, поднял лежащий на ядрах плащ, а из-под него... свернутый в кольцо трос.

И тогда... Тогда Бэнкс спросил:

— Капитан Шарке! Помнишь ли ты «Герцогиню Корнуэльскую»? Судно шло из Лондона.

Шарке посмотрел на друга с недоумением:

— Надо же, о чем приспичило спросить. Дьявол меня возьми, если смогу я упомянуть все те суда, которые пустил ко дну!

— Это название пассажирского галеона. Ты его затопил два года назад. Там, среди пассажиров, была женщина, мать... С двумя сыновьями, еще мальчиками. Может, вспомнишь?

В другое время стал бы он, капитан Шарке, вспоминать... Но сейчас, удовлетворенный гостеприимством друга, попытался:

— А... «Корнуэльская»? Ну да, галеон. Знаешь... Там, среди всех пассажиров, была одна только женщина. Так она при этом рвалась от меня — за мальчиков... А что поделаешь: она одна — а сколько их у меня... — Шарке то ли хрюкнул, то ли засмеялся: — Ну да, тех, кому уже невтерпех... — И вылив в стакан все, что было в вазе, не оборачиваясь к слуге, кивнул — для нового...

— А потом... Убили? И женщину... И мальчиков?

— Копли! Тебе ли спрашивать? Ты с пленниками что — в карты садишься играть? Ну, отобрали ценности, весь их гардероб... И — не убили, а утопили! На их же галеоне. Подожди! Ты-то что — о них? Женщина, мальчики... Какого дьявола — ты об этих?

— А я... Я потому, что эта женщина — моя жена! А эти мальчики — мои сыновья!

И Шарке увидел... Увидел в глазах друга — пламя!

Растерялся, опешил, оторопел? Кто, зная капитана Шарке, мог бы подумать, что такое — о нем? И все-таки сейчас, прежде чем схватиться за пистолеты, воззрился он на того, кого еще только что считал своим другом. Конечно, потом... Но пистолетов на поясе не оказалось! Обернулся за ними... А уже, змеей, обвинил его трос, вместе с руками...

Перехватило — это у Шарке-то! — перехватило горло! И даже... сглотив, наконец, такую неожиданность, он, капитан Шарке, прославившийся на всю Америку своими кровавыми подвигами Шарке, лишь простонал:

— Нэд! На помощь! Проснись, Нэд! Нас подло обманули...

Но тот, квартирмейстер Гэллуэй, уже перестал тревожиться за своего капитана, храпел, сложив голову в тарелку. Возможно, если бы смог Шарке крикнуть громче, прибежали бы его люди, четверо здоровенных бугаев. А только — вряд ли... Там, в матросском кубрике, люди Бэнкса, по обычаю всех хозяев, давно уже по части выпитого гостей с собой уравнили. Впрочем, этому гостю рот заткнули тотчас. Связали, в одно соединили ноги.

И капитан Шарке оказался спеленут, как мумия.

Слуга, ликуя, что-то там закулдыкал. Оказалось — немой! И это тоже стало для Шарке неожиданностью. Потому что, как это бывает в минуты потрясений, узнал он в этом слуге того матроса... Хотя теперь тот был без бороды. А ведь такая у этого матроса сначала черная была борода! И такой тогда, пока делали его немым, стала она красной... А уж лицо! Наверное, та кровавая маска, каким оно тогда стало, и заслонила в памяти, каким это лицо было вначале. Было оно, лицо этого матроса, при защите своего капитана — яростным! Тот защищался тоже, хотя и был ранен. Конечно, просто... можно было бы их просто обоих застрелить, но капитан застрелил одного из команды Шарке — и матрос, понимая, какие муки теперь ожидают его капитана, сражался до конца их обоих... Наконец капитан, сраженный, упал. А на матроса накинули парусное полотно...

И так он, Шарке, был тогда разозлен чьей-то преданностью — не ему, другому! — что в мерзкую его голову пришла еще большая мерзость. Приказал — уже вдали от торговых путей — спустить матроса в лодку, а к нему — расчлененного на куски его капитана. Решил, что голод — еще до того как матрос, умрет... День, другой, третий в пустынном море... Голод заставит-таки этого матроса... Заставит — приступить к своему капитану! А он, вот этот матрос, оказывается, живой!

Да, значит, заранее этот его «друг» и этот его матрос разработали план своих действий... Если так тщательно, с поистине тоже изуверской последовательностью, стали проводить его в жизнь. Прежде всего, вскрыли все бутылки с порохом, высыпали его возле остальных недавних сотрапезников. К нему же, к капитану Шарке, отнесли с особым вниманием: перенесли его, мумию, к пушке и привязали над амбразурой так, что находился он теперь прямиком перед дулом. Не мог даже шевельнуться!

Наконец, Бэнкс — он все молчал, такая душа его ненависть! — все-таки вырвал из себя слова:

— Я знал, Шарке, что ты — убийца всего моего! Но я... Немного еще я человек — хотя ты не человек уже давно — я мучить тебя не буду. Нет, будешь смотреть, слушать... Как приближается к тебе смерть! Дьявол уже ждет тебя в своей преисподней.

Проговорив это, встречу — Шарке с дьяволом — Бэнкс стал готовить. По его плану — и он начал его осуществлять — свое приближение к этой встрече Шарке должен был и увидеть, и услышать. По тому, как по пороховой дорожке побежит, зашуршит огонь! А чтобы это ожидание продлилось, пороховую дорожку на полу Бэнкс насыпал большим, во все это помещение, кругом...

И — надо же! — услышал Шарке, как поют, продолжают петь его песню его люди на его барке:

Не ушло за океан
то, что плыло нам в карман.
Нечестивая казна —
у морских бродяг она.
Барк наш в город направляй,
женщин златом забавляй...
Нечестивца-купца кровь
станет платой за любовь!
Не обманывай, купец...
Ждет тебя у нас конец.

Копли Бэнкс протер запальное отверстие пушки и насыпал пороху. Снял с канделябра свечу, укоротил ее, оставив не больше дюйма, укрепил на усыпанном порохом запале орудия. Осторожно, чтобы огонь не пустил-ся слишком рьяно, другой свечой с канделябра зажег ту, что поставил у запала.

Лицо, искаженное злобой, проклинаящие глаза — таким увидели они Шарке перед тем, как закрыть на ключ дверь.

О переводчике. Юрий Сенчуков после окончания Литературного института и до своего шестидесятилетия — литературный редактор в издательстве «Художественная литература», в редакциях журналов «Огонек», «Октябрь». Его переводы и статьи — в составленных им собраниях сочинений иностранных писателей. Пишет и для детей.

У борта, привязанный к веревочному трапу, покачивался на волнах ялик. В нем, под плащами, были сумки и мушкетеры.

Отплыли. В ожидании... Все-таки — в тревоге. Показалось даже — плыли уже давно. Еще даже успели услышать с барка Шарке начало песни... Которую, любимую, решили там повторить:

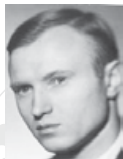
Из Америки купец
плыл всего в один конец...

Когда, наконец, в коротком, пушечном, громе, потом в грохоте взрывов, бриг, лучший во всей Вест-Индии бриг «Забияка Гарви», в последнюю свою минуту четко и стройно предстал в ослепительном блеске!

Там... Шум, крики, плеск бросающихся в воду... Все это уже их не касалось, стало судьбой всех других. Души обоих (если еще были у них души) горели в вос-торге!

Высадившись на берег, бросились в глубину острова, в джунгли безлюдного Кайкоса.

От людей! Теперь уже ото всех... Ото всех людей.

Составление и перевод с английского Юрия Сенчукова